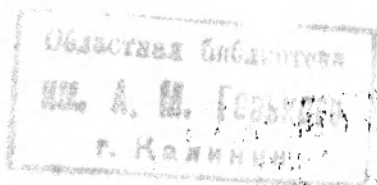

Ю. НЕЙМАН

КАЛИНИНЦЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1942

Редактор *Р. Бокшицкая*.

Подписано к печати 23/IV
1942 г. Л4483. 1 п. л. 59 000 зн.
в печати. л. 1,27 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Зак. 584.

Цена 30 коп.

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия», ул. Фридриха Эн-
гельса, 46.

I. ГОРОД

Две девушки шли по улицам родного города, захваченного врагом.

Город был неузнаваем. Тротуары усыпаны осколками кирпича, кусками штукатурки. Стены домов разворочены, разможены. Точно огромное чудовище проползло по городу, железным брюхом раздавило дома и закоптило развалины смрадным дыханием.

Девушки спешили. Командир отряда, направляя их в немецкий тыл, дал адрес комсомольца, оставшегося в Калининe. Нужно было как можно скорее добраться до Кости Еремеева.

Город был страшен. Трамваи стояли на перекрестках. Со столбов свисали оборванные провода. Между двумя жерновными столбами провод уцелел; на нем в дымном воздухе покачивался повешенный. На груди мертвеца болталась надпись — крупные буквы на оторванном переплете книги: «Я — партизан».

Люба и Шура — так звали комсомолок — прошли мимо, не останавливаясь. На Почтовой площади они все же замедлили шаг: так поразила их уродливая чернота извалин. Площадь была пустынна.

Милый город, родной Калинин, во что они превратят его!

Девушки дошли до угла Советской. Надпись «Советская» была сбита, на месте дощечки нарисована стрела и что-то написано на немецком языке.

По Советской девушки дошли до площади Ленина. Памятник еще стоял, но вокруг статуи копошились фигуры в зеленом. Это были первые германские солдаты, которых увидели девушки. Зеленые фигуры казались очень маленькими по сравнению с высокой статуей. Один из солдат подставлял к памятнику лестницу, другой хлопотливо тащил веревку, третий, с кривым злобным лицом, прицеливался из револьвера. Точно они примеривались, соображая, и не могли решить, как оскорбительнее и гаже расправиться с тем, кто стоял на пьедестале.

Чувствовалось — не просто памятник уничтожали на площади, — с дикой ненавистью попиралась здесь душа города, уничтожалась святыня народа.

У Любы сжалось сердце. Выхватить бы револьвер этого куцего да разрядить обойму прямо в его наглую морду!

Отрывок немецкой речи донесся до слуха девушке Нелепой, жуткой показалась им чужая самоуверенная речь. Люба взяла Шуру под руку. Так, вдвоем, они спустились вниз мимо дымящихся развалин. Навстречу попала женщина с ведрами. Они попросили воды.

— Пейте, девчата.— Женщина говорила тихо и в это время озиралась по сторонам.— Пейте, да только поскорей. Не то загрызут. Им несудно, окаянным.

— На квартире стоят?

— Стоят. Шестеро. С утра орут: «Матка! Воды!» Насишь им с Волги, водопровод-то разбит. Живем, как затравленные. Отца угнали, брата... Рассказывали раньше, не верила. Думала, немцы тоже люди. Да разве люди эти вшивые? Рассядутся вшей искать, разденут!

при тебе голяком, смотри на них, точно ты и не женщина, а вроде мебели. Детей не любят. Ночью заплачет ребенок — затыкай ему рот. Того и гляди, ударят о печку головой.

Домик, где жил Еремеев, сохранился. Только стекла были побиты. Девушки постучали. Им долго не отворяли. Наконец в щелку приоткрывшейся двери просунулась голова девочки.

— Нету здесь такого,— сказала девочка,— не живет у нас.

Дверь захлопнулась. Девушки растерянно поглядели друг на друга.

— Куда ж итти, Люба?

Люба подумала.

— Знаешь, к Марье Ивановне пойдём, к уборщице. Она как будто осталась в городе. Она — бабка славная. Домой итти никак нельзя.

Девушки повернули обратно.

II. КТО БЫЛИ ДЕВУШКИ

Люба рано привыкла полностью отвечать за свои поступки. Семилетка была в соседнем селе, и Люба от матери перебралась туда, к дальним родственникам, людям, мало ее замечавшим. Когда Люба перешла в старший класс, ей назначили стипендию. Так она стала совсем самостоятельной.

Подруги ее уважали. Если требовался совет в важных делах, шли к Любе. Очень хорошо она слушала. Ее узкие, глубоко сидящие глаза расширялись и теплели. И подруга с удовольствием чувствовала, что Люба понимает не только слова, но и невысказанное, то, что за словами.

О себе она не любила говорить, и сложилось так, что к ней шли, как к старшей, не ожидая ответных призна-

ний. Пондразумевалось, что ей это ни к чему. А она чувствовала себя иногда одинокой.

С Шурой они познакомились в Калининском обкоме комсомола. Они работали вместе, работали дружно, хорошо. Шура была старше Любы на два года и не нуждалась в опеке. Их потянуло друг к другу, и Люба наконец-то почувствовала себя в дружбе равной и поняла, что впервые встретила друга.

О многом говорили они длинными вечерами. Шура была мечтательница, Люба умела наблюдать. Больше всего их занимало будущее. Обе были молоды, и перед обеими стояла вся жизнь.

Так их застала война.

Надвинулись события, огромные, грозные.

«Что ты можешь сделать?» спросила каждого родина. И обе девушки-комсомолки, как миллионы других наших юношей и девушек, ответили, взвешивая каждое слово: «Отдать все, а если потребуется — и жизнь».

Им хотелось действовать сейчас же, немедленно. Услышав, что требуются доноры, Люба в тот же день, не успев повидать Шуру, побежала в Институт переливания крови. У нее оказалась «первая группа», и она даже испытала некоторую гордость при мысли, что ее кровь пригодна для всех. Но с медосмотром вышла неприятность. Выслушав Любино сердце, врач сказал, что ей вредно быть донором. В детстве Люба часто болела ангиной, и теперь, стоило ей быстро взбежать по лестнице, она начинала задыхаться. Но это были такие пустяки, и она так горячо убеждала в этом врача, что он сдался и разрешил ей дать кровь.

Вместе с Шурой они ходили на курсы сестер-дружинниц. Шуре трудно давалась латынь, а Любу втайне беспокоило то, что у нее неловкие руки и она может раненому причинить боль. Такие же опасения были у многих девушек, некоторые даже ушли с курсов. Но Люба и Шура остались до конца и непременно сдали бы

отлично экзамены, если бы не это нагрянувшее на их город тяжкое несчастье.

Враг наступал. Красная Армия вынуждена была временно отойти. Население спешно покидало Калинин.

Никогда не забудут девушки этих дней, дыма над городом, едкой печали и клокочущей ненависти к врагу!

Они решили далеко не уходить. Пришла пора сдерживать слово. «Если потребуется — то и жизнь родине»... Теперь наступал час великой проверки. Вместе с труппой комсомольцев подруги остались в ближнем лесу. Их отрядом командовал Алеша Б., серьезный, живой, энергичный парень.

Если бы полгода назад кто-нибудь показал Любе и Шура теперешнюю их жизнь, — осеннюю черную ночь, сумрачные, сырые, замшелые деревья, — они сказали бы, что так бывает только в кино или в книгах. Но сейчас у них не было времени смотреть на себя со стороны. Они учились, как лучше копать землянку, как ходить по болотным тропам, как спать без костра на сырой земле.

На третий день вечером Алеша Б. собрал отряд. Он сказал, что нужно кому-то вернуться в Калинин, к немцам, — высмотреть, где у врага огневые точки, поговорить с жителями. Лучше, пожалуй, чтобы пошли девчата. Едва он спросил: «Есть ли желающие?» — Шура сказала: «Я». Люба чуть-чуть помедлила («справлюсь ли?») и тоже сказала: «Я». Раздались еще голоса, но командир остановился на двух, вызвавшихся первыми.

Он посоветовал девушкам, как им лучше себя вести, сказал, что в Калинин остались свои и они, конечно, не бездействуют. Назвал комсомольцев Наумова и Костю Еремеева. Костя поможет в передаче сведений.

Той же ночью подруги повязали шали по самые брови, надели котомки и попрощались с друзьями.

Выйдя из леса, они огляделись. За рекой, над дальним городом стояло зарево. Сзади все было мирно — лес

спускался в ложбинку, чернела вдали деревня. Это было свое, русское, пожалуй, еще более русское, чем раньше. Так бывает с лицом человека: после пережитых испытаний с особой силой проступают в нем национальные, родовые черты.

III. В ПЕРВЫЙ РАЗ

Позднее, когда они отправлялись во вражеский тыл в третий, четвертый, пятый раз, это ощущение несколько притупилось. Но в первый раз оно было очень сильным. Как определить это ощущение? Собранность, окрыленность, и главное — нет страха. Не страшны снаряды. Не страшны немцы. Не страшна смерть. Это было почти вдохновение. Должно быть, поэтому им так везло.

У Волги валялась старая лодка. Весел не было, но Шура хорошо управляла досками. Люба выросла вдали от воды, грести не умела, и Шура посмеивалась над ее неловкостью. Потом обеим стало не до смеха. Волга казалась куда шире обычного. В их «душегубку» набиралась осенняя ледяная вода, лодка кренилась, кочепели ноги. Руки болели так, что взять бы да бросить к чорту проклятые доски. И все-таки в тот раз им очень повезло. При выходе на берег их никто не заметил. Будь иначе, они бы влипли. Только позже выработалась у них обостренность чувств, свойственная разведчику: необычайно тонкий слух, зоркие глаза, а память... В памяти — весь смысл, в ней все богатства, приобретенные ценою смертельного риска.

Ночевали они в комнате, стоящей посреди поля. Дэм был разрушен, осталась одна комната; оголенные стены ее сотрясались от грохота разрывов. Стреляли здорово, но девушки не спали по другим причинам: от холода и волнения. До света нельзя было выходить: только днем дозволено передвигаться русскому населению.

Вот уже они — «русское население». Как дико это звучит! Точно вступили в другой мир.

Утром девушки пришли в Калинин. Бабка Марья Ивановна открыла им дверь, перепуганная насмерть. Разглядев, кто это, она несколько успокоилась.

— Я-то думала, опять их несет... А это вы — от сердца отлегло. Откуда, голубушки?

Девушки сказали, что им не удалось уехать из Калинина. Вышли, мол, из города, побродили по деревням и вернулись. «Как-нибудь проживем...»

— Ох, милые вы мои! И зачем это вы пришли? Лучше в поле замерзнуть, чем здесь, с ними. Уж на что стара, а и то думаю: не уйти ли, пока жива. И чего вернулись, глупые?

Она долго еще причитала, вздыхая и кряхтя. Потом забеспокоилась: верно, они голоднехоньки?

— И что мне дать вам, миленькие? Всё у меня обчистили. Самоваром, и тем не побрезговали. Осталось вот в подполье чуть мерзлой картошки. Сейчас сварю.

Вода бурлила в котелке, и картофель уже можно было проткнуть вилкой, когда дверь затряслась от ударов. Оттолкнув бабку, в комнату вошел долговязый офицер. Лицо у него было тощее, горбоносое.

— Прямо из «Крокодила», — шепнула Шура Любе, но не улыбнулась.

Журавлиным шагом офицер прошел на кухню, осмотрел стенные полки и стол. Открыл шкаф, подошел к печке. Людей он не замечал, точно в кухне не было никого. Сел к огню, придвинул котелок. Воткнул лезвие ножа в картошку, откусил. Обращаясь в воздух, крикнул:

— Salz! ¹

Никто не шевельнулся.

— Salz! Schnell! ²

---

¹ — Соли!

² — Соли! Скоро!

Он схватился за кобуру.

— Чего это он? — растерянно прошептала бабка.

— Соли просит.

Бабка принесла соль в тряпочке. Долговязый взял щепоть и отшвырнул остальное. Соль попала старухе в лицо.

Доев картофель, офицер вышел, все так же глядя перед собой, будто комната была пуста.

Смешно? Нет, смеяться не хотелось. Невидящие глаза офицера показались девушкам едва ли не самым мерзким из всего, что им встретилось за день. На что только не способно существо с такими глазами! И позднее, когда Любе и Шуре случалось присутствовать при чудовищных сценах или слушать рассказы очевидцев, поседевших от ужаса при виде фашистских зверств, они вспоминали тощее слепое лицо — наглядное воплощение того, что эти выродки называли своей «системой».

IV. НАУМОВ

Комсомолец Наумов, о котором командир отряда говорил девушкам, наблюдал эту «систему» с первых дней прихода немцев. Уничтожение человеческого в человеке — вот на чем была основана их «система». С болью и гневом видел Наумов, как захватчики пытаются превратить людей, еще вчера свободных, в рабов.

Город менялся на глазах. Прохожие кутались в какие-то отрепья. У бойни стояли бледные женщины в очереди у жолоба, по которому стекала кровь. Немцы резали скот, и озябшие голодные люди вылавливали кусочки требухи, изредка попадавшей в сток.

И возле мельницы тоже толпились женщины. Здесь иногда давали работу. Немецкие солдаты прикладами разгоняли ожидающих. В этом не было никакого смысла. Это было все то же стремление — унижить.

Работа.: Наумов слышал про эту работу. Пригородные колхозники рассказывали, как их впрягали в телеги вместо лошадей. А то еще — это было, пожалуй, унижительнее всего — их заставляли перекладывать солому из одного сарая в другой, просто так — без смысла.

Комсомолец Наумов с детства знал: «Человек — это звучит гордо». Книги, товарищи, вся его прошлая жизнь учили уважению к человеку и его труду. «Эти» пытались заплевать все, чем жил Наумов и миллионы его сверстников. Наумов стискивал зубы. Не бывать тому!

Наумов внимательно прислушивался к тихим разговорам, которые вели между собой соседи, прохожие, те, с кем он встречался. Негодовали все — кто яростнее, кто боязливее.

Однажды на Инструкторской улице Наумов встретил знакомых ребят — Виктора Пылаева и Хохлова. Они обрадовались друг другу. Поговорили, стоя у ворот дома. Мимо ворот, шатаясь, прошли два пьяных ефрейтора. Комсомолец Хохлов посмотрел им вслед, задыхаясь от злобы.

— Сволочи! Что ж, так и будем на них любоваться? Сидеть сложа руки?

Ребята жили вместе, на одной квартире. Наумов зашел к ним вечером. Да, пожалуй, это были подходящие парни. С ними можно было начинать.

Оказалось, у них есть еще один надежный друг — Боря Полев. В день прихода фашистов Борис ушел из дому, надеясь пристать к партизанскому отряду. Но ему не удалось выбраться из Калинина. Горячая голова, смельчак, Борис Полев первый предложил добыть у фрицев оружие.

«Пусть это будет первой проверкой», решил Наумов и согласился. Свою вылазку ребята должны были провести одни, без него.

На этот раз, пренебрегая осторожностью, Полев проводил Наумова до самого дома. Полев так и сиял.

— Не боишься? — спросил Наумов.

Борис свистнул.

— Дадим им жару! Попомнят они нас.

На этом друзья расстались.

V. ШУРА И ЛЮБА

Задание нужно было выполнить как можно скорее. Немного отдохнув у бабки, Шура и Люба отправились в город. Они шли по улицам с безразличными лицами — будто гуляли. Так они дошли до района, откуда немецкие власти выселили всех жителей. Теперь их «рассеянность» исчезла. С кошачьей осторожностью крались они вдоль заборов. Здесь было много немецких солдат и срудий. Девушки смотрели, запоминая, в каких местах стоят орудия.

У ворот узкого двора они едва не столкнулись с фигурой в зеленом френче. К счастью, фашист ничего не заметил. Девушки спрятались за грудой досок.

На аэродроме было много немецких самолетов. Ил-подрум тоже представлял интерес: там стояла пехота и танки.

На площади Метростроя, на месте бывшего уютного сквера, пугающе ровными рядами тянулись кресты. Люба и Шура здесь несколько задержались. Отправляя их в город, Алексей Б. советовал внимательно читать надписи на могилах немецких офицеров. В надписях нередко указывались номера полка, батальона.

К вечеру вернулись домой. У бабки был гость — племянник Коля. Марья Ивановна радовалась: «Думала, погиб парень. Убили, проклятые. А он вот вернулся».

Оказалось, что Коля провел несколько дней в немецкой комендатуре. Он рассказывал страшные вещи. На его глазах погибла девушка с черными косичками, совсем молоденькая. Палачи вывернули ей руки и ноги.

Медленно умирала она на грязном полу. Коля не знал ее имени. Может быть, она тоже была партизанкой.

Коле удалось выбраться из комендатуры. Он прикинулся дурачком. На самом деле это был живой, сметливый мальчуган. Он был знаком со многими калининскими комсомольцами, знал Костю Еремеева.

— В деревню ушел Костя,— сказал мальчик Любе и Шуре.— Здесь его заприметили, вот он и ушел из Калинина.

Девушки задумались: Кости нет, значит нужно немедленно возвратиться в отряд и самим передать сведения. Но сегодня итти было поздно, у заставы их непременно задержат. Приходилось ночевать в Калинине. Не хотелось бездействовать, так и подмывало показать обнаглевшим мерзавцам, что не все боятся их.

Гуляя по городу, они с отвращением читали висящие на перекрестках наглые «обращения к населению». Палачи и мародеры смели величать себя освободителями. Девушки решили сорвать «обращения».

Эту ночь они провели, прячась в развалинах здания, стоящего неподалеку от площади. Было очень холодно. Черная темнота и чувство одиночества охватили их. Застывали руки и ноги. Прижимаясь к стене, девушки вышли на площадь.

Фашистские солдаты копали землю. Глухо звенели заступы.

Возле разрушенного дома чернел силуэт грузовой машины. Солдаты разгружали грузовик, сбрасывая тюки странной формы. Присмотревшись, подружки догадались — немцы хоронили своих мертвецов. Днем они избегали это делать: к чему населению знать, сколько верных слуг Гитлера погибает ежедневно? Вот они — мерзлые гансы и фрицы. Навалом лежат они на ненавидящей их земле.

Комсомолки быстро скользнули вдоль стены.

Перекресток. На заборе — «обращение» на двух язы-

ках. Плакат с немецким текстом они решили оставить — «все равно его никто не читает». Но то, что написано по-русски, Люба содрала и сунула в карман пальто.

Пока Люба срывала объявление, Шура стояла на страже. Отсюда они побежали к базарной площади, там тоже висела «афишка». На этот раз караулила Люба, действовала Шура.

Все холоднее становилось, близился рассвет. Нужно было спешить. Когда они шли к последнему объявлению — это было около химической школы, — Люба замешкалась, ударившись в темноте о какой-то предмет. Вдруг тишину прорезал ружейный выстрел, за ним еще несколько. Топот шагов, люди... Задыхаясь, Люба догнала Шуру, схватила за руку, втиснула в ближайший подъезд. Мимо них, топоча, пробежало несколько человек. Слышались крики. Девушкам показалось, немцы кричат:

— Партизаны, партизаны!

В подъезде они простояли, должно быть, около часа. На улице все стихло. Девушки выглянули. Задворками добрались до дому.

Бабка рассказала со слов соседей: ночью неизвестные обстреляли химшколу, где стояла немецкая часть.

...В тот же день ребята принесли Наумову два автомата и много патронов.

— Первого часового финкой сняли, а второго уже из их собственного фашистского оружия, — сказал Хохлов. — Обновили, значит!

VI. ПРАЗДНИК

Обстрел химшколы оказался первым в ряду происшествий, крайне неприятных для обнаглевших «хозяев» города Калинина. Через несколько дней после первого налета партизан на перекрестке снова был найден труп

немецкого солдата. Затем еще два. А через неделю во дворе казармы с грохотом взлетела в воздух полковая кухня.

Кухни стали «специальностью» Бориса Полева. Он умел удивительно удачно выбрать минуту, когда никого нет и можно ловко всунуть взрывчатую «начинку» между поленьями. Три полковые кухни взорвались в Калининe, а две уехали из города в часть.

— Поели горяченького фрицы,— радовался Борис.

Взрывы и поджоги в городе не прекращались. Среди гитлеровцев ходили легенды о неуловимых мстителях; предполагалось, что в городе орудует одна группа. А между тем в Калининe действовали не одни наумовцы. Склад мотоциклов и общежитие немецких солдат взорвали комсомолки Карасева и Моисеева, отважно пробравшиеся в тыл врага.

Особенно смело действовали партизаны в окрестностях города. Немецкому командованию донесли, что на колонну автомашин напал «многочисленный отряд партизан, и в результате нападения убито 27 немецких солдат, уничтожено 3 автомашины и 6 бочек горючего. Задержать партизан не удалось». Вторая часть донесения была совершенно точной, но в первую вкралось некоторое преувеличение. «Многочисленный» отряд партизан на самом деле состоял из девяти человек. Ими командовал Алексей Б. Он первый бросил бутылку в немецкую машину.

Впрочем, в этой операции принимали заочное участие еще двое. Это были Шура и Люба, разведавшие, что в районе села Огурцова скопилось много немецких автомашин.

...Наступил ноябрь. Близился праздник, октябрьский праздник в захваченном фашистами городе. Печально и торжественно ощущалось его приближение.

Ребята собрались у Наумова. Говорили о том, как по-настоящему встретить Октябрь.

— Помните, ребята, прошлый год? Праздничные костюмы, вечер в клубе, отдых, веселье... Как-то встретим мы Октябрь в этом году!..

— Мы его отпразднуем, — сказал Наумов, — мы встретим его, как надо. Над нашим городом тоже взвоется красное знамя.

Юноши встали. Это было совсем не похоже на обычный канун октябрьского праздника. Это было грустно, и все-таки было в этом что-то прекрасное. Наумов взглянул на Хохлова; тот показался ему даже выше ростом, чем обычно. И маленький хромой Наумов тоже как будто вырос. Они с гордостью смотрели друг на друга, четыре советских парня, четыре товарища.

А 5 ноября, когда Наумов заглянул на Инструкторскую к друзьям, он уже не нашел их. Квартира была разгромлена. Перепуганные соседи сообщили, что ночью у ребят был обыск и их увели.

7 ноября 1941 года. В Сушкове, деревне около Калинина, этот день прошел так. Крестьян собрали в семь часов утра всех, включая четырнадцатилетних подростков. По обыкновению была устроена переключка — все ли на месте. Строем их повели, как обычно, на работу.

Но работа сегодня оказалась необычной. Им дали лопаты и приказали копать яму. Потом заставили врыть в землю столбы, к столбам прибили переключину.

Два дюжих немецких солдата подвели к виселице человека с изуродованным, распухшим лицом. В глаза человека было страшно смотреть — столько в них жгучей, обнаженной муки. На шее висела надпись: «За непокорность».

Многие знали этого человека. Это был простой русский парень, рабочий вагонного завода — Илья Мухин.

Его повесили.

Вокруг, потупив головы, стояли старики, женщины, мальчишки. Среди них калининский комсомолец Костя

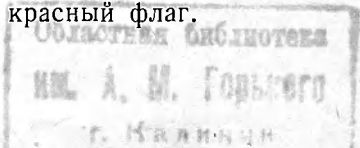
Еремеев. Он плотно сжал губы — только бы не крикнуть, он не имеет права выдавать себя. Люди стояли потупясь.

Им приказали хоронить повешенного. Костя хотел снять с мертвого петлю, но немецкий ефрейтор оттолкнул его — веревка должна остаться. Потом ефрейтор снял с мертвеца калоши. В глубоком молчании крестьяне засыпали казненного землей.

7 ноября 1941 года. В подвале на улице Софьи Перовской, где помещалось гестапо, в ужасающей тесноте стояли люди. Сесть некуда. Даже умирая, ты должен стоять. Хохлов не смотрел на Виктора. Все равно говорить нельзя. У этих стен, несомненно, есть уши. Да и нет сил говорить. Сколько может перенести человек! Сегодня его, Хохлова, раздетого догола, водили по краю рва с холодной водой. Как закроешь глаза — вот он снова, этот ров... А Борис все не возвращается. Что они держат его так долго? Как изменился Виктор Пылаев за эти два дня!.. Приободрись, Витя. С праздником, Витя... Почему нет Бориса? Как бы узнать, вывесил ли Наумов знамя? Нет, одному ему не под силу. Девочки — слабые помощницы. С какой любовью сшивали они красные полотнища! Хорошо бы лечь. Больше всего на свете хочется лечь. Старуха в правом углу сегодня не стонет. Померла, должно быть. Борис просил передать своим, чтобы уходили из города. С кем передать? Может, все-таки отпустят? При обыске ничего не нашли. А на допросе — как ни мучьте — ничего не добьетесь. Комсомольцы умеют молчать. Где же Борис?..

В этот день Борис Полев так и не вернулся с допроса.

...Красный флаг все-таки взвился над городом. Его вывесил не Наумов — одному это было не под силу. Несколько школьников во главе с Колей, племянником Марьи Ивановны, изготовили и подняли на крыше лыжной базы праздничный красный флаг.

VII. ДРУЖБА

Мир знает чудесные предания о женской любви, о самоотверженности жены и матери. Но о женщине-друге не рассказано еще. Дружба была до сих пор как бы мужским чувством. Наша страна сделала женщину человеком и другом.

...Это случилось в середине ноября, когда Люба и Шура в шестой раз побывали в Калининне и возвращались в отряд к своим. Они собрали ценные сведения о подходе новых сил противника, установили, какие части находятся в Калининне.

В отряде с нетерпением ждали разведчиц. Нужно было спешить.

Выйдя из города, девушки увидели, что по Волоколамскому шоссе густо идут немецкие войска. Поговорили с жителями пригорода. Те сообщили интересные новости. Надо было непременно попасть в отряд не позже завтрашнего утра и рассказать обо всем.

Повязанные большими платками, две «погорелицы» благополучно дошли до ближайшей деревни. Здесь стояли немецкие части. От внимательных глаз разведчиц не укрылась лихорадочная озабоченность солдат и офицеров.

— Собирается германец куда-то, — сказала колхозница, к которой зашли Шура и Люба. — Ночью солдат переправляли к лощине. Халаты белые напасли.

Ту же суету и поспешные приготовления Люба и Шура увидели в следующей деревне. Свои люди — хозяева дома, где стояли немецкие офицеры, — рассказали, что фашисты получили какой-то приказ и собираются выступить.

Девушки пошли дальше. На пути им встретилась небольшая рощица. За деревьями скрывались немецкие машины и орудия. Их было очень много.

— Вот обидно-то! Как бы сообщить нашим летчикам об этой германской технике? Как бы сказать им, чтоб разбомбили, стерли с лица земли?..

И, словно в ответ, внезапно низко-низко прогудели три бомбардировщика. Пулемет застрочил по роще, чуть ли не по тому месту, где проходили девушки. Наши самолеты, советские! Как ни странно, у девушек и мысли не появилось о себе, о том, что они сами чуть не погибли. Только радость:

— Люба, Любанька, наши знают!

Темнело. Шли болотцем, припорошенным снегом. Ползли по мерзлой земле. Нужно было притти в отряд как можно скорей. Может быть, немцы выступают завтра.

Наконец доползли до железнодорожной насыпи. Здесь стояла будка. Девушки не знали — немецкая или наша. Из будки раздался голос:

— Хальт!

Пришлось остановиться. Часовой объяснений не слушал или не хотел понимать. Толкнув Любу в спину, солдат срезал ножом котомку, искромсал ее. Тряпки.

— Откуда, русс?

Привычно объяснили:

— Дом сгорел. Идем к лесу. Там наши старики.

В ответ раздалась немецкая ругань вперемежку с русской.

— Расстреливать вас надо, чтобы не шлялись здесь!

Но, видимо, заниматься ими всерьез было некогда. Избив, их вытолкали из будки.

— Пошли дальше, Шура, пошли!

Теперь подруги ползли с еще большей осторожностью, далеко огибая каждую подозрительную будку. Артиллерийская стрельба усиливалась. Приходилось заползать в канавки, пережидать. Рядом, взметнув снег, разорвался снаряд. До деревни добрались с трудом.

Колхозники сбились в одну избу: вместе не так страшно. Лежат вповалку. В духоте плачут дети.

Всю эту ночь Люба и Шура не могли уснуть. Как же это они не добрались? Присоединилось ли к немцам подкрепление?

Чуть свет вышли из деревни. Стрельба стихла. Болотце хрустящие сучки, снежок...

Откуда взялся он, этот шалый снаряд?

Любу отбросило в сторону, оглушило. Мелькнуло в сознании: «Как неожиданно и легко — смерть». И вдруг в ушах глухой, печальный голос Шуры: «Любушка, ты жива? А у меня вот нога...»

Стало быть, живы. Люба подняла голову. Шура лежала метрах в десяти, засыпанная землей. Люба хотела встать, но рядом просвистела пуля, и она поползла к Шууре, стараясь не поднимать голову. Посмотрела Шурину ногу.

Пятка вырвана, торчит белая кость. Порылась в котомке. Хорошо, что фашисты оставили часть пожитков: простынку и матрац. Простынка — глаженная, чистенькая.

— Потерпи, потерпи, Шурочка! — Вот где пригодился опыт санитарки-дружинницы. Люба перевязала ногу, замотала матрацем, чтобы не было холодно.

Надо дальше двигаться, но как?

— погоди, Шурочка, может, найду что-нибудь. Полежи.

Люба по снежному полю проползла с полкилометра и встала на ноги. Невдалеке — будка. Подошла к ней тихонько, заглянула: пусто, никого нет.

Что же теперь делать? Там, позади, Шура, одна, может замерзнуть.

Люба вернулась и связала вместе все, что нашла: ремни, пояса, тряпки. Шурины ноги сложила так, чтобы больная нога была сверху. Надо двигаться, пока Шура еще в силах.

— Не увезти тебе меня, Любушка.

Шура — рослая, большая. Маленькая Люба тянет ремни, шагая по снегу. Шура помогает ей, чем может: цепляется за кусты, подтягивается на руках. Так движутся они по мерзлому болоту. Мороз, холодный снежный ветер, а у Любы на лбу каплями проступает пот.

Шаг за шагом. Трудно идти. У насыпи вторая будка. Люба заглянула в нее. Никого, но в углу стоят детские салазки.

Не уместиться на таких салазках взрослому человеку, а все-таки с ними легче. Кое-как уложила Шуру на саночки, привязала ремнем. У той потемнели и запали глаза — видно, очень уж больно.

Люба тащится дальше.

— Холодно, Саша?

Ничего не сказала Шура, но Люба сняла с себя пальто и шаль.

— Что ты делаешь, Люба? Не смей! Сейчас же забирай обратно.

— Так легче, Шурочка. Жарко.

Верно, было жарко. Но теперь холодный ветер пронизывал ее насквозь. И так трудно было идти. Сердце билось, плохое сердце — прав был тогда в институте врач.

— Оставь меня, Люба, иди одна.

Любу шатает. Молча она идет вперед. Губы сжаты. Ветер развеивает волосы.

— Перестань! Ты бы оставила меня?

Итти надо. Передать сведения. Шуру довести..

Какой это был трудный путь! Пить смерть как хотелось. Снежка бы проглотить! Но если остановишься, так уже нехватит сил двигаться дальше, упадешь, не встанешь.

На дороге показались люди. Может быть, свои? Девушка ускорила шаг, но услышала чужие голоса и грубый смех.

Должно быть, очень забавна показалась им русская девчонка, бегущая в одном платьишке по морозу, ее растрепанные волосы и красное лицо.

— Эй, матка, что везешь?

Трудно понять, что за тряпье навалено на детских салазках. У Любы упало сердце.

— Сестру везу. Швестер. Жили в будке. Хаус. Разбомбило. Бум-бум. Швестер ранило в ногу. К врачу везу.

Они снова смеются, рыжие обезьяны. Ладно. Только бы не задержали.

— Германский войско далеко?

— Не знаю. Не видела.

Может быть, это они и есть, из того самого пополнения?

Поплелись дальше. Наверно, в следующей деревне наши. Еще немного потерпеть. Шура стонет все громче. А у Любы нет больше сил утешить ее, поддержать. Одна мысль в голове — как-нибудь добраться.

Вот и деревня. Но на первом же шагу видит Люба, что усилия были напрасными. В деревне — немцы. Отчаяние охватило девушку. Ноги подкосились. Семь километров везла, надеялась, что встретят, помогут. А вокруг опять злые, враждебные лица.

Кое-как добрались до крайней избы. Навстречу женщина:

— Что это? Что с девушкой-то?

Люба повторила то же, что рассказывала немцам: разбомбили дом, ранило сестру.

— Пойдем ко мне, девушка, и мне лучше будет. Десятка два их ко мне нашло. Шныряют из угла в угол. Всё обобрали. Бьюсь их досмерти. Пойдем ко мне. Одной-то страшнее.

Кое-как внесли Шуру, положили на кровать. Верно, в доме человек двадцать немцев. Беспокойными глазами обвела их Люба.

Шура застонала.

— Воды!

— Нет воды. Терпи, Шурочка.

Потом Шура начала бредить. Немецкого солдата она принимала за товарища, партизана. Еще немного — и слова, слова, за которые пытаются и расстреливают, сохвываются с ее губ.

Люба наклонилась над ней. Прижала Шурину голову к себе.

— Молчи! Слышишь, молчи!

И Шура узнала Любу; сквозь бред, сквозь беспмятство услышала голос друга. Замолчала.

В избу вошел офицер. Мутными, пьяными глазами обвел он комнату, женщин, больную на постели. Выхватил револьвер.

— Русс, матка, вон на улица!

— Куда же с больной-то?

— Вон! Будв стрелять!

Он схватил Шуру за плечи, стащил с постели. Шура закричала. Люба бросилась к ней.

И вот они снова на морозе: больная Шура, Люба, у которой мутится в глазах от усталости, Ольга Павловна — хозяйка. Три русские женщины бредут по русской деревне. ища приюта. Во всех домах — вражеские солдаты. Их гонят отовсюду. Снег, ветер...

Избавление пришло неожиданно. Немцы, повидимому, получили приказ выступить из деревни. Наспех оделись. стали в строй. Как ни была измучена Люба, от глаз ее не ускользнула смешная и дикая сцена. Один солдат украл у другого крепдешинный женский платок. Обнаружив пропажу, первый вор взволновался. Воры вступили в драку под смех остальных.

Наконец они ушли.

Много ночей подряд дежурила Люба в Шуриной постели. Больной становилось все хуже. При перевязках уже сильно чувствовался трупный запах. Может быть,

это начиналась гангрена? Как достать врача? Как помочь подруге?

Пробраться с Шурой к своим, за Волгу, нечего было и думать. Оставалось одно — вернуться в Калинин. После бесконечных мытарств удалось раздобыть сани с лошадьёу.

Скрипят полозья.

— Кого везешь? — спрашивает встречный старик.

— Раненую сестру в больницу.

— Ну что ж, будь помощь. Я вот не довез старуху. Ранило ее, повез я вот так же к доктору, а на дороге — немец. «Стой, русс!» Выпряг лошадь. Прошу его, плачу — не слушает. Оставил я старуху. Сверху своей шубой прикрыл. Пошел обратно в деревню — хоть салазки привезти. А проехали мы никак с полпути, вернулся обратно. Нет моей шубы. Все окайнные сняли. Мертвая лежит старуха на снегу: замерзла.

...В Калининe девушки простились. Люба поцеловала Шуру в сухие губы. И раньше были они дружны, но только теперь, после бессонных ночей у постели подруги, поняла Люба, как дорога ей Шура.

Но расстаться необходимо. Любе надо в отряд.

— Я скоро вернусь, Шурочка. Мы все придем. Скоро наступит этот день.

VIII. ПРОВОДЫ

Этот день наступил. Грабьярмия удирала, путаясь в краденых вещах. Жалкое и гнусное зрелище — пестрые женские шали вокруг небритых лиц, меховые горжетки на шинелях, разноцветные валенки. Шура узнала об этом чудовищном карнавале от других — она лежала в постели. Рана никак не затягивалась.

Наумов тоже был болен. Чорт, до чего не повезло! Столько ждал этой минуты, и вот все происходит без

него. Зато он хорошенько снарядил друзей — Пылаева и Хохлова: вооруженные финками и винтовками отправились юноши в пригород устраивать немцам проводы.

Они были там не одни. Не только наумовцы ждали этого часа. Ненависть, накопившаяся за дни унижений, жажда отмщения искали выхода. Захватчики покидали город, душу которого они пытались убить. Но израненный город был жив. Во всю силу своего гнева он мстил уходящим.

С трусливой поспешностью двигались неровные ряды гитлеровцев мимо домов, которые они превратили в слепых калек. Дома обдавали врагов яростной ненавистью. Из зияющих окон градом сыпались на бегущих камни, куски железа, тяжко падали на головы убийц мешки, набитые землей.

Русские женщины бросали в захватчиков все, что осталось тяжелого в их опустошенных, выстуженных домах. Русские дети, чьи отцы и матери погибли в фашистских застенках, швыряли в палачей кирпичи и камни.

Как затравленные волки, бежали они мимо деревьев, протягивающих им вслед обгорелые ветви. Оттуда, из переплета черных веток, которые никогда больше не зазеленеют, свистели вдогонку бегущим меткие пули.

Мимо изуродованных ими мостов спешили немцы, вдоль великой русской реки, воды которой обогрились горячей русской кровью. Обрубки мостов таили гибель. Отважные русские люди, советские люди мстили отсюда за товарищей, за оскверненные свои поля.

А когда смешавшиеся германские колонны выбрались за город и лязгающие танки поползли по лесным, по сказочным серебряным русским дорогам, навстречу им из-за толстых стволов вышли храбрецы и забросали чудовища бутылками с огненной смесью.

Каждый камень советской земли таил в себе смерть, каждое дерево советской земли таило в себе смерть, и

некуда было укрыться от нее вора́м и убийца́м, хоте́вшим поработить свободных людей.

...Из-за выступа́ дома Виктор Пылаев с ненавистью́ смотре́л на грязно-серые спины́.

Он окликнул Хохлова! У Хохлова кончились «боеприпасы́». Но винтовка́ его была заряжена́.

— Побереги́ заряд, — сказа́л Виктор, — сохрани́м его на особый́ случа́й.

Они выбрались из-за́ дома и пошли́, стара́ясь держа́ться побли́же к стена́м. Канада́ свирепела, вблизи́ подкатыва́лся к стена́м Калинина́ грохочу́щий ва́ русского́ наступа́ния.

Когда́ Хохлов и Пылаев вы́шли к больни́це, уже́ стемне́ло. Посре́дине площа́ди на сне́гу валя́лся, раски́нув руки́, труп. Не́мец ле́жал лица́м вниз, подстре́ленный на бегу́; ве́тер ше́велил плоские́ пряди́ его волос.

Друзья́ поровня́лись со зда́нием больни́цы. У воро́т метну́лись какие́-то черные́ тени. Пылаев и Хохлов подо́шли бли́же. Два не́мца вози́лись с чем-то́ у стен больни́цы. Чиркну́ла спичка́. В ту же мину́ту выстре́лил Хохлов. Поджигате́ль свали́лся на бо́к. Вто́рой не́мец побе́жал. Виктор бро́сился к мертвому́, вытащи́л из его ко́буры рево́львер, выстре́лил всле́д бегущему́.

Совсем стемне́ло.

...Стре́льба усили́валась. Тя́жко сотряса́лись стена́. Но жителе́й радова́ла эта канада́. Все бли́же подхо́дили свои́, освободите́ли.

В эту́ ночь кончи́лась калининская́ траге́дия. В но́чь на 16 де́кабря Кра́сная А́рмия заня́ла город Кали́нин.

Нико́гда, нико́гда бо́льше не́ быва́ть им здесь! В это́й пору́кой ненависть́ тех, чьи́ дома сожже́ны, чьи́ дет убиты́, чье́ сердце пронизано́ скорбу́ю и гневом. В это́й пору́кой па́мять тех, кто уви́дел вплотную́ зве́риное ли́цо фаши́зма, кто узна́л его пова́дки.

1 февраля на Смоленском кладбище города Калинина
давали земле прах тридцати четырех страдальцев.
поруганные тела были найдены в подвалах домов и
ях. В одном из чудовищно изуродованных трупов,
наруженных в яме на улице Софьи Перовской, граж-
данка Полева узнала своего сына Бориса.

Руки его были скручены веревкой, лицо носило сле-
ды страшных побоев, тело прострелено в нескольких
местах и изрезано ножом. Но как ни неистовствовали
жандармы, не вымолвил Борис предательского слова, со-
хранил жизнь своим друзьям.

Сохлов и Пылаев сейчас в Красной Армии. С оружи-
ем в руках мстят они за жизнь своего товарища.
Сухомов — в Калинине. Он присутствовал на похоронах
своего друга.

До Шуриной палаты доносились печальные звуки по-
пурной музыки, а Люба с подругами из обкома прово-
дила мертвых товарищей до самой могилы. Над откры-
той братской могилой взволнованно звучали краткие
речи. И люди не забудут гневного голоса матери, про-
клявшей бешеных чудовищ, детоубийц, заливших мир
кровью. Никто не забудет звонкого голоса комсомолки
иноградской, поклявшейся вместе со своими друзьями
отомстить за кровь товарищей.

Калинин освобожден навсегда. Близок час, когда над
этими советскими городами, захваченными фашистами,
снова взвоятся красные знамена. И могилой станет
эта земля для тех, кто хотел ее поработить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Город	3
II. Кто были девушки	5
III. В первый раз	8
IV. Наумов	10
V. Шура и Люба	12
VI. Праздник	14
VII. Дружба	18
VIII. Проводы	24